

08.06.06

Коржавин Наум

чия между исламом, христианством и иудаизмом стираются. Все великие религии мира оказываются по одну сторону основополагающих принципов жизни, а те, кто считает девственность грехом, — по другую.

Насколько мне известно, ничего подобного не было во всей истории человечества. В Древнем Риме, считавшимся Эверестом распущенности, матроны вели себя более чем пристойно, беспутные Агриппины-младшие были таким же исключением, как императрицы в притонах. В Вавилоне лишение девственности было ритуальным, женщины в браке вели себя, как подобает в традиционном представлении женам, блудницами (описанными в литературе) были только несчастные, к деторождению не способные. Те же, кого дефлорировали храмово, отдавались первому, пожелавшему их, вовсе не для опробования сексологических достоинств предполагаемых женихов, а посвящая девственность богу. Даже в эпоху Камасутры не было ничего хотя бы отдаленно напоминающего революцию в этике наших дней: брак почитался священным, а игры между супругами с самыми изощренными позами устраивались с более чем практической целью сохранения интереса друг к другу (женились-то юными, до двенадцати лет, годам к тридцати, если не ухитряться, можно совсем наскучить). Так что даже наука любви Древней Индии — не то же самое, что опробовать на собственном теле всех, на кого положила глаз. По сравнению с современными евроамериканскими мегаполисами Древний Рим с Вавилоном кажутся монастырями. Вот почему в историческом контексте утверждение, что лишение девственности до брака хорошо, а сохранение — плохо не просто в практической жизни, а как концепция, меняющая добро и зло местами, — настоящая революция. Не в сексе, это еще полбеды, а в представлениях о добре и зле, плохом и хорошем. Революция, ставящая нашу эпоху абсолютным особняком.

На протяжении столетий каждая девушка знала, как быть хорошей и что значит быть хорошей. Само собой разумеется, знала она и то, как быть плохой. Что надо, а чего не надо делать, впитывалось, можно сказать, с молоком матери. Девушки третьего тысячелетия, как и те, кто был девушкой сто, пятьсот или тысячу лет назад, тоже знают это. С одной только разницей: ДОБРО И ЗЛО ПОМЕНЯЛИСЬ МЕСТАМИ. ТО, ЧТО РАНЬШЕ БЫЛО ПЛОХИМ, СТАЛО ХОРОШИМ, А ТО, ЧТО РАНЬШЕ БЫЛО ХОРОШИМ, СЕГОДНЯ ПЛОХО, ПОТОМУ ЧТО ГОДИТСЯ ТОЛЬКО ДЛЯ НАБИТЫХ ДУР.

Но, может быть, мне попалась какая-то из ряда вон выходящая извращенка? Может, она одна такая? Для того чтобы получить представление о состоянии молодых умов, я позвонил в разные страны одиннадцати девушкам (девушкам в современном смысле, то есть замужним и незамужним девицам) в возрасте от 16 до 22 лет. С некоторыми из них я был связан дружбой, с некоторыми — деловыми связями, некоторые же были детьми друзей. Задал один и тот же вопрос: хорошо это или плохо, когда девушка выходит замуж девственницей, сохраняя невинность до первой брачной ночи с любимым?

И что же? Девять из одиннадцати высказали более или менее такую же точку зрения, что и Наташа. Ни одна не сказала жестко: это ужасно! Или хотя бы с оговорками: не сохранять девственность — нехорошо. Это не значит, что все девушки, с которыми я говорил, на практике соответствуют собственным представлениям о рае и аде. Или что все они во время нашей беседы были невинны — может, так, а может, не так, не знаю. Но это значит, что теоретически, на уровне представлений о правильном и неправильном, добре и зле подавляющее большинство (которое потому и называется подавляющим, что подавляет меньшинство) опрошенных девушек являются единомышленницами Наташи из города Н. Возникла совершенно иная мораль, невиданная доселе. А с ней и новый мир.

Согласно статистике, каждый месяц в Европе десятки тысяч женщин принимают ислам — в подавляющем большинстве именно потому, что мораль предбрачных проб и сексологических игрив, ставшая идеологией Америки и Европы, их не устраивает. Потому, что они хотят иметь одного мужчину и мужа, которого любят. Потому, что хотят детей рожать — более чем одного или двух, что для сохранения населения страны абсолютно необходимо. Как же случилось, что западный мир, который принял христианство прежде всего из стремления к нравственной чистоте, стал полпредом морали, некоторые заповеди которой не просто противоположны, а императивно противоположны Нагорной проповеди? Одной из причин, по которой исламские террористы борются с западной цивилизацией, является царящий в Европе (с их точки зрения) разврат, идущий непосредственно от шайтана (многоженство магометанства не имеет ничего общего с предбрачными пробами, это нечто совершенно противоположное). В связи с этим вот что приходит на ум: а так ли органична для современной западной цивилизации антинагорная проповедь? Такая ли уж она неотъемлемая часть нового символа веры и бытия, которыми поступиться нельзя? Такая ли уж она, говоря языком философии, акциденция нашего времени? Так ли уж напрямую ведет она к счастью? Может быть, обсуждение общей морали способно в известной степени примирить цивилизации, очевидным образом идущие сегодня на конфронтацию?! Ведь, говоря по совести, в наши дни в этом вопросе ислам выглядит куда привлекательнее, чем общество, в котором женщина, обладающая пятиконечным телом (руки-ноги-голова), не отличается буквально ничем от мужчины, у которого тело, как известно, шестиконечное. Может быть, все-таки у полов есть какие-то, отличающие их друг от друга функции? Может быть, кое-какие отличия мужчины от женщины все-таки стоит сохранить в человеческой цивилизации присно и во веки веков?

Мир стал иным. Но, глядя на то же самое небо, на тех же самых мужчин и женщин, ходящих на тех же самых ногах, что и их деды и бабушки, не до конца понимаешь, насколько он изменился. Может быть, он чересчур изменился? Может быть, стоит дать задний ход? Вопрос на засыпку — и одновременно информация к размышлению.

Серьезному размышлению. ■

Наум Коржавин: Между «падшим» и «непадшим» разница есть!

КРУШЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ МОРАЛИ НА ЗАПАДЕ, ПРЕДУПРЕЖДАЕТ ПОЭТ, ГРОЗИТ ГИБЕЛЬЮ НАШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

Мир, в котором мы сегодня живем, очень сложен. А сложность не статична, она стремится к постоянному самовозрастанию. Эта волна заслоняет от нас «простые» истины — нравственный консерватизм не в моде. Поэт Наум Коржавин из тех, кто не боится быть ригористичным в век торжества неоднозначности.

— Наум Моисеевич, в последнее время многих охватывает предчувствие надвигающейся катастрофы. В ваших стихах и статьях тоже наталкиваешься на опасение, что человечество идет к гибели.

Поясните, пожалуйста, что вы имеете в виду: тотальную катастрофу или конец нашей цивилизации?

— Конец нашей цивилизации, но жизнь все равно будет продолжаться — так или иначе.

— В чем вы видите предвестия катастрофы? С чем она может быть связана?

— С тем, что люди перестали дорожить тем, чем привыкли дорожить. Западная цивилизация сдает свои культурные и моральные позиции. Мы оказываемся почти бессильны перед напором исламизма. Не ислама — я не судья религиям, — а исламизма. Исламизм — это попытка превратить ислам в орудие самоутверждения и господства. Исламизм на самом деле не ставит себе никаких целей, кроме господства. Что они будут делать с этим господством — непонятно, сами не знают и об этом не думают.

— Значит, по-вашему, главная причина возможной гибели цивилизации в исламизме, а не в каких-то глобальных катастрофах — природных, техногенных?

— Все возможно, но природные катаклизмы вне моего разума. Я говорю только о том, в чем вижу результаты безрелигиозной деятельности человека, теряющего некоторую робость по отношению к миру, в котором он живет.

— Прямо по Баратынскому: «Пока человек естества не пытал // Горнилом, весами и мерой, // Но детски вещаньям природы внимал, // Ловил ее знаменья с верой; // Покуды природу любил он, она // Любовью ему отвечала...»

— Надо все же понять, что мы живем в хрупком мире, относиться к которому нужно бережно.

— Вы связываете опасность с терроризмом?

— Да, и с терроризмом. Но главная опасность, которая как раз и проявляется в слишком вялой реакции на терроризм, — слабость Запада. Слабость духовная и культурная. Запад не защищает своих ценностей или очень плохо их защищает. А надо.

Организаторы несанкционированного гей-парада в Москве выясняют отношения с милицией

Защищать любовь. Любовь к женщине. Мне иногда приходится слышать: женщина должна быть еще и человеком. Но это чушь. Если женщина не женщина, то она и не полностью человек. Так же, как если мужчина не мужчина. Женщине самой природой предназначено рожать и воспитывать детей. Мужчина не только первого, но и второго в такой степени, как женщина, не может. Он охраняет семью, отвечает за нее. Люди перестают понимать, кто они, зачем и в чем их назначение. То, что нужно ценить геев, здесь, в Америке, уже господствующая норма приличия, интеллектуальности и духовности.

— Давайте по порядку. Вы, как я понимаю, за традиционную семью. Я — тоже. Но, может, мы с вами тянем в прошлое?

— Это прошлое, куда мы тянем, называется человеческой жизнью. Женщина должна выполнять свою роль, мужчина — свою. Мы все грешники, все переступали, но нельзя терять жизненных рамок. Грех есть грех, надо об этом помнить. Даже Пастернак на этом ломался. Вот есть у него:

*А сущность красоты — отвага,
И это тянет нас друг к другу.*

Я недавно подумал: отвага здесь только со стороны женщины, со стороны мужчины — никакой отваги тут нет.

— И потом она за все ответила — своей искореженной судьбой.

— Мужчина должен быть ответственным, он в ответе за женщину.

— А не хотите ли современный пример ответственности мужчины, да и вообще его отношения к тому, за что в не столь отдаленные времена вызывали на дуэль, а в обществе считали нарушением кодекса мужской чести? В популярной газете публикуется донжуанский список известного режиссера, называются имена актрис, уважаемых замужних дам... Насколько я помню, подобный список Пушкина при его жизни был запрятан в альбом младшей Ушаковой, имена были скрыты под буквами, о публикации не могло быть и речи...

— Все это издержки демократии. Сегодня публикуют что хотят — лишь бы привлечь читателя. Ставят людей перед дилеммой: или ты против демократии, или приветствуй подобные публикации. Как говорится, делай выбор: или ГУЛАГ — или БАРДАК. Нужно вернуть авторитет любви.

— Какая древняя традиция прерывается на наших глазах! Культ женщины, любви возник в провансальской лирике трубадуров в XII веке. Она, эта традиция, продолжалась века. Когда мы ее утерли?

— Это случилось примерно лет 30 назад. Человеку нужно сберечь любовь, чтобы остаться человеком, чтобы сохранить нашу цивилизацию.

Окончание на стр. 08

ПРЕДУЧУВСТВИЕ

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

Окончание. Начало на стр. 25

— Какую позицию должны, по-вашему, избрать люди перед лицом возможной катастрофы: выживания, надежды, что Господь не выдаст, борьбы? Не бросимся ли мы в этом случае на борьбу с призраками?

— Прежде всего интеллигенция должна осознать, чем она занимается и что она говорит. На Западе привыкли развивать свободу, свободу и еще раз свободу. В России тоже некоторые возмущены тем, что церковь настояла на том, чтобы запретить в Москве парад геев. Как же, у нас индивидуальная сво-

своего образа жизни, могут и в школе работать?

— Да я не за то, чтобы их притесняли. Я против превращения этого явления в политическую, идеологическую, духовную — какую угодно — платформу.

— Наум Моисеевич, вы человек мудрый. Как вы думаете, можно ли будет предотвратить или смягчить то, что надвигается?

— Мы должны стоять на своих ценностях, должны отдавать себе отчет в происходящем — мыслить должны. Нужно понимать, что есть разница между мыслью Гегеля и Шмоньки-дурака. Шмонька призывает: «Раздевайтесь и пойдем голыми». Мысль простая и куда более доступная для людей, чем мысли умника Гегеля.

— Вы полагаете, что людей можно увлечь простыми дешевыми

Наум Коржавин: Между «падшим» и «непадшим» разница есть!

бода, человек хочет самовыразиться... Нет, все-таки дело не только в индивидуальной свободе. Свобода благо, но когда у человека есть и другие ценности.

— Но свобода может быть, и ее может не быть. Вы за что?

— Я за духовную строгость. Другое дело, когда надо проявить гуманность к «падшим». «Милость к падшим», как у Пушкина, — дело святое. Но между «падшим» и «непадшим» разница есть. Нельзя терять ориентиров, черное называть белым.

— Иначе говоря, для вас парад геев — символ потери нравственных ориентиров?

— Конечно. Пусть гей будет геем, но зачем парад устраивать? Пропагандой заниматься? Я против пропаганды. Я против того, чтобы они преподавали в школе.

— На это можно возразить, что нельзя судить за образ мыслей, как и устанавливать запрет на профессию.

— Речь не об этом. Если про человека известно, что он гей, если он этого не скрывает, он не должен преподавать в школе. В Америке был большой спор о пребывании геев в армии и на флоте. Постановили: «Don't ask — don't tell». Если ты не говоришь, тебя не спрашивают. Но они сейчас и не думают скрываться, они кричат: «Я гей, я молодец».

— Получается какой-то двойной стандарт. Если ты гей и молчишь — мы тебя держим, а не молчишь — не держим.

— Ну посмотрите: если ты с женой развелся, ты же не носишь плакат «Я развелся с женой». А они носят: «Я гей».

— Я правильно поняла: когда они не агрессивны в навязывании

лозунгами, кривыми обманными путями?

— Конечно. Чем проще, тем легче. Особенно когда они выглядят сложными и смелыми. Следуя такому лозунгу, человек сам себя начнет уважать за то, что приобщился к высокому и смелому.

— Как человек должен понять для себя, где правильная дорога? Кто ему укажет эту дорогу?

— Есть история культуры. Ее нужно преподавать в школе, чтобы молодые ее знали. И нужно читать книги, слушать музыку, смотреть спектакли. Здесь, в Америке, преподавание литературы и искусства, к сожалению, часто поручается людям некультурным. Литература здесь — для того, чтобы в ней «разбираться», не обязательно ее читать, достаточно ее «изучать». Применять научные методы к «текстам». Утрачивается смысл вещей: книги, произведения искусства, литературы и т.п. в глазах «посвященных» существуют только для написания «papers» (рефератов, научных работ) по их поводу. Чаще всего для решения не существующих, но сугубо «профессиональных» вопросов. Разумеется, это относится не ко всем. Но именно такие старательно создают общий фон.

— Вы говорите о литературе, искусстве. Политиков вы не упоминаете. Они — не путеводная звезда для человечества?

— Смотря кто. Можно быть очень крупным политиком, умным, осторожным. Вот Столыпин был весьма умным политиком. Нужна осторожность, но осторожность нынче не в чести. Политик подчас более осторожен

То, что христианство всегда считало греховным, теперь выдают за добродетель

в своей частной жизни (чтобы не дать повода для газетной шумихи), чем в государственных решениях. Но у меня больше беспокойства по поводу не политиков, а политизированной интеллигенции. Она чаще всего занимается самоутверждением. Она и создает тот, часто опасный, фон, с которым вынуждены считаться и политики. А что до политиков, то мы должны научиться отличать людей, на которых можно положиться, от тех, на кого поло-

житься нельзя. Современная организация общества очень этому мешает. Люди голосуют за тех, о ком ничего не знают. Придет — речь произнесет — и все. И так везде.

— Какая из двух близких вам стран — Россия или Америка — в большей степени приближает катастрофу?

— Считаю, что культура общая. Все работают, к сожалению, в одном направлении. Хотя часто и друг против друга.

— Последний вопрос. Когда-то Евтушенко написал: «Если будет Россия, значит, буду и я». Солидаризуетесь ли вы с такой позицией в масштабах человечества — если выживет цивилизация, выживу и я, мой дух, «мое дыхание, мое тепло», по Мандельштаму?

— У меня такое ощущение, что если будет продолжаться история, я тоже выживу. У меня нет сверхсамомнения, но если человек жил, то его след останется.

Официальная площадка церемонии:

Глобальный информационный партнер:

YANOO!

Генеральный информационный партнер:

ДЕНЬГИ

Партнеры:

KASIN

IBL

Спонсоры:

Hennessy COGNAC

LinoGrafid Дисконт-Полиграфия

АЛЬТЕР ЭГО

VITRINA A

Информационные партнеры:

индустриярекламы

СИТИ-FM

BVA

Интернет-партнер:

Sostav.ru

Аналитический партнер:

ADVERTISING

ЗАЯВИ О СВОЕМ БРЭНДЕ!

РБК представляет

БРЭНД ГОДА/EFFIE 2006

Открыт прием заявок на соискание Национальной награды в области построения брендов

(495) 363-03-35 www.brandgoda.ru